

Лето в Варшаве кончается незаметно и тихо. Только острее становятся запахи кофе из знаменитых варшавских кофеен, слышнее голоса на улицах. Город облетела новость: из Лазенок увозят рояль. Для варшавянина это одна из самых верных примет осени. И в воскресенье горожане устремляются в Лазенковский парк.

Рояль стоит на площадке возле памятника великому композитору. В летние дни послушать музыку здесь собираются сотни варшавян. С первыми осенними туманами рояль увозят до будущей весны. И вот он — последний концерт.

До начала еще оставалось время, и я приподнял брезент, обтягивающий рояль, — потом крышку и слегка прикоснулся к клавишам. Раздался чистый, печальный и такой неожиданный здесь, среди деревьев, звук, что я испугался.

— Пан, наверное, не из Варшавы? — улыбнулась со скамейки пожилая женщина.

— Из Москвы...

— Да, послушать Шопена едут к нам отовсюду.

— Кто играет на этом рояле?

— Разные музыканты — и старые, и молодые.

Он покидал свою родину в глухую туманную ночь, по разбитым осенним дорогам — «ноты в узелок, ленточку в душе, душа в пятках и в дили-

СЕРДЦЕ ШОПЕНА

ОТЗВУК

жанс»... Позади оставалась Варшава с ее лихорадочными огнями и блеском девичьих глаз, с балами, танцами и танцулями, которые он так любил в пору юности, с легкомысленными разговорами, в которых за последнее время проскальзывало нечто серьезное и ему неизвестное. Варшава в канун восстания 1830 года... Позади осталось и трогательное прощание в Желязовой Воле, где старый учитель Эльснер с хором учеников исполнил в его честь написанную специально к отъезду кантуату... По бокам дороги тянулись непроглядные осенние поля, невидимые в темноте деревни, трепещущие огоньки на кладбищах — в тот день по обычаю на его родине так поминали усопших... Впереди был Париж.

Спустя много лет, оставшись в одиночестве в своей опустевшей квартире на Орлеанской площади, он вспомнит этот вечер. Вспомнит, как гордился своими первыми успехами в Париже и первыми гонорарами. Вспомнит единственный, быть может, настоящую и, увы, неразделенную любовь к Марии Водзинской, после которой осталась у него лишь аккуратно пере-

вязанная крест-накрест стопка писем с лаконичной надписью на верхнем из них «Мое горе». Больше он никогда уже не был счастливым...

Только что произошел окончательный разрыв с Жорж Санд. Окончился затянувшийся, глупый и ненужный роман, который не принес никому счастья. Осенью 1847 года он переехал из Нанна к себе в Париж, на шоссе д'Антен. Шопен тяжело, неизлечимо болен. «По утрам веду вносить себя к Джейн», — коротко сообщает он о себе в одном из писем. Все явственные признаки прогрессирующей чахотки. И, может быть, именно тогда, на шоссе д'Антен, оставшись в одиночестве и мучительно размышляя о приобретениях и потерях прожитой жизни, он произносит отчаянные и горькие слова, которые повторит затем в письме другу: «Куда запропастилось мое искусство? А сердце мое где растратил? Едва помню уже, как поют на родине...»

Повторит их человек, масштаб дарования которого уже при жизни по достоинству был оценен современниками. В Варшаве на последнем эк-

замене старый учитель оценил его так: «Шопен Фридрик. Дарование необыкновенное. Музыкальный гений».

«Куда запропастилось мое искусство?» Но к тридцати семи годам, когда Шопен напишет эти горькие строки, в нотной тетради уже будут лежать и соната си-бемоль-минор со знаменитым Похоронным маршем, и его Баркаролла, и Колыбельная... Произведений этих хватило бы, чтобы доставить грядущую славу не одному композитору, и вряд ли Шопен не чувствовал этого...

«А сердце мое где растратил?» Но у постели умирающего Шопена соберутся самые блестательные красавицы Парижа, и за право спеть для него Дельфина Потоцкая будет состязаться с самой Полиной Виардо...

Быть может, лучшее в человеке умирает тогда, когда он начинает забывать, как поют на родине?.. Но он еще раз заставил зазвучать этот звук, неимоверным усилием гения вернув к жизни, — в последних предсмертных мазурках.

Два года спустя, поздней осенью 1849-го, в возрасте тридцати девяти лет Фриде-

рик Шопен скончался в деревне Шайо близ Парижа.

«А сердце мое где растратил?»

По завещанию композитора сердце его после смерти было перевезено в Варшаву. Сберегалось оно как святыня. В годы минувшей войны фашисты старались вытравить у польского народа всякую память о его великом сыне. Под строжайшим запретом были полонезы и мазурки Шопена. Был разгромлен его музей, уничтожен памятник. Но сердце Шопена продолжало стучать и звало на борьбу.

Варшавянам удалось его тайно увезти из полуразрушенного костела св. Креста, где оно было замуровано в стеклянном сосуде в одной из колонн, и надежно сохранилось до освобождения Польши советскими войсками. В день девяносто шестой годовщины смерти Шопена — 17 октября 1945 года — сердце Шопена в торжественной обстановке было возвращено на прежнее место. Здесь оно хранится и доныне. А самое главное — живое, неистраченное сердце Шопена звучит в его музыке и сегодня.

В. ШУТКЕВИЧ.

«Конец октября 1984. С днем